

УДК / UDC 342

DOI: 10.34076/22196838_2025_6_6

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кожевников Олег Александрович

Профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0003-1371-7249, e-mail: jktu1976@yandex.ru.

В статье представлен краткий обзор вариантов содержания категории «взаимодействие» и ее развития в рамках правоотношений между органами государственной власти и местного самоуправления за период новейшей российской истории начиная с 1990 г. в зарубежной и отечественной международно-правовой доктрине. Подчеркивается, что история развития отношений между уровнями государственной власти и местным самоуправлением в лице его органов за последние 35 лет «впитала» в себя все известные правовой доктрине модели взаимодействия между органами государства и муниципальных образований. Автор полагает, что, не реализовав в полной мере «потенциал» каждой из моделей после вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», российское государство и общество все больше приближается к восстановлению «советской модели» взаимоотношений между уровнями публичной власти, что, несомненно, говорит о снижении уровня самостоятельности муниципальной власти и дискуссионности положений Конституции РФ о рассмотрении местного самоуправления как одной из форм народовластия.

Ключевые слова: органы государственной власти, органы местного самоуправления, модели взаимодействия, Конституция, практика Конституционного Суда РФ

Для цитирования: Кожевников О. А. Государственная власть и местное самоуправление: российская модель построения взаимодействия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 6. С. 6–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_6.

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT: THE RUSSIAN MODEL OF INTERACTION BUILDING

Kozhevnikov Oleg

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), professor, Ural State University of Economics, doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1371-7249, e-mail: jktu1976@yandex.ru.

The article provides a brief overview of the content options for the category «interaction» and its development within the framework of legal relations between state authorities and local governments over the period of modern Russian history, starting in 1990 in foreign and domestic international legal doctrine. The author emphasizes the fact that the history of the development of relations between the levels of government and local self-government in the person of its bodies over the past 35 years has «absorbed» all the models of interaction known to the legal doctrine between state bodies and municipalities. The author believes that, having failed to fully realize the «potential» of each of the models after the entry into force of Federal Law № 33-FZ dated 20 March 2025 «On General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority», the Russian state and society are increasingly approaching the restoration of the «Soviet model» of relations

between levels of public authority, which undoubtedly, this indicates a decrease in the level of independence of municipal authorities and the controversial provisions of the Constitution of the Russian Federation on the consideration of local self-government as one of the forms of democracy.

Key words: state authorities, local self-government bodies, models of interaction, Constitution, practice of the Constitutional Court of the Russian Federation

*For citation: Kozhevnikov O. (2025) State power and local self-government: the Russian model of interaction building. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, no. 6, pp. 6–14, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_6_6.*

Вопросы построения, функционирования и эффективности власти всегда находятся в фокусе внимания не только самой власти и ее представителей, но и, конечно же, многочисленных исследователей. Однако совершенно очевиден тот факт, что сила власти и ее способность эффективно решать стоящие перед ней задачи заключается в ее функциональном единстве, т. е. нацеленности на полноценное взаимодействие между уровнями властной вертикали в целях обеспечения поступательного развития государства, общества, повышения уровня и качества жизни каждого гражданина, вне зависимости от места его проживания и нахождения.

Категория «взаимодействие» и ее содержание не являются исключительно прерогативой правовой науки, что, несомненно, выступает одновременно и плюсом, и минусом. В толковых словарях русского языка под взаимодействием понимается «взаимная связь явлений», «взаимные воздействия между явлениями, сопровождающиеся изменениями данных явлений или объектов»¹. С философской точки зрения «взаимодействие» рассматривается как понятие, отражающее процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния или взаимопереход, а также порождение одним объектом другого². Психология называет несколько типов взаимодействия: конкуренция, дружба, конфликт и т. д.³ В социологии социальное взаимодействие определяется как совместное действие и взаимовлияние двух и более индивидов или социальных групп, в ходе которых достигается соотнесенность по смыслу и взаимная коррекция их поведения⁴. Наконец, в управленческой науке под взаимодействием понимают творческую деятельность, ориентированную на долгосрочные отношения взаимодействующих субъектов по обеспечению экономически эффективного и социально ответственного процесса создания, распределения и использования товарно-денежных ценностей⁵. Таким образом, нельзя не заметить, что термин «взаимодействие» имеет многоаспектный характер и его содержание во многом зависит от того, в какой области человеческих знаний и отношений он присутствует и рассматривается профильными специалистами.

Обращаясь к юридической науке, мы также можем с высокой степенью очевидности констатировать факт отсутствия единого подхода к пониманию содержания категории «взаимодействие». Так, по мнению профессора Р. А. Ромашова, взаимодействие является формой межсубъектной коммуникации, в рамках которой происходит перевод правовой информации в правовое поведение. Соответственно, правовое взаимодействие включает не только субъективные юридические права и обязанности, но и действия участников по их приобретению, изменению, прекращению, а также деятельность по их осуществлению⁶. Представитель новосибирской школы права

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3017&ysclid=miovtpehxg21411540> (дата обращения: 13.07.2025).

² Спиркин А. Г. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphras.ru/elib/0605.html> (дата обращения: 13.07.2025).

³ Словарь психолога. URL: <https://institutnv.ru/slovar-psiologa/vzaimodeystviye/> (дата обращения: 13.07.2025).

⁴ Ковалев А. Д. Социальное взаимодействие // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-vzaimodeistvie-66b3c7/?v=5846545> (дата обращения: 13.07.2025).

⁵ Бочаров Н. А. Взаимодействие как новая управленческая категория // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 13.

⁶ Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 25–32.

Я. А. Коновальчиков в одной из своих работ дал определение правового взаимодействия как целенаправленной правовой деятельности, которую осуществляют два и более субъекта, обладающих правоспособностью и дееспособностью, путем использования оптимальных правовых средств для получения определенного результата¹. Присутствует «точечное» понимание взаимодействия и у представителей правоохранительной системы РФ. Так, В. А. Зоз, А. С. Лагуточкина трактуют взаимодействие как основанную на законах и подзаконных актах согласованную деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляемую с целью наиболее эффективного применения присущих им сил, средств, форм и методов по раскрытию преступлений².

Категория «взаимодействие» применительно к таким субъектам, как органы власти, уже давно стала «визитной карточкой» многих решений Конституционного Суда РФ. Так, в широко известном многим представителям конституционного и муниципального права постановлении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П суд отметил, что «местное самоуправление является неотъемлемой частью единого механизма управления делами федеративного государства, в рамках которого органы местного самоуправления на началах взаимодействия и согласованного функционирования с федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в конституционно установленных пределах в решении вытекающих из статей 2 и 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации задач по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека»³. В контексте заявленной темы настоящей статьи нельзя не вспомнить конституционно-правовое толкование категории «взаимодействие», выраженное в заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3: «...под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство, что не исключает организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории. Это не отрицает самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствует о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти (статья 12 Конституции Российской Федерации)»⁴. С одной стороны, казалось бы, такая простая категория, как взаимодействие, у всех на слуху и часто упоминается в правовых исследованиях и правоприменительной практике, с другой стороны, точного и единообразного подхода к содержанию названной категории нет до настоящего времени. Тем не менее полагаем, что если речь идет о взаимодействии между органами власти, то несомненно, что качественное построение механизмов его реализации, в том числе через инструменты правотворчества, в итоге определяет уровень и полноту реализации институтами власти своих компетенций, направленных на удовлетворение потребностей граждан и, что еще более важно, формирует уровень и механизмы доверия и уважения населения к институтам власти.

Обращая внимание на новейшую российскую историю, в которой за точку отсчета мы берем начало 1990-х гг., необходимо признать, что в РФ не сформировалось дей-

¹ Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 88–97. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97.

² Зоз В. А., Лагуточкина А. С. О правовых предпосылках понятия «взаимодействия» в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1. С. 157.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁴ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

ственного правового регулирования и механизма реализации процессов взаимодействия между государственной и муниципальной властью. Более того, рассматривая даже столь короткий (по отношению ко всеобщей истории России) временной промежуток, нельзя не заметить отсутствие какого-либо устойчивого подхода или хотя бы обоснованной долговременной концепции формирования и закрепления механизмов взаимодействия между уровнями власти, исходя из предусмотренных в Конституции РФ организационно-правовых и функциональных основ государственной и муниципальной власти.

Исследователи мировой практики формирования правовых основ взаимодействия между государственной и муниципальной властью выделяют несколько моделей взаимодействия¹.

1. Англосаксонская модель. Характеризуется высокой степенью независимости органов местного самоуправления от центральных органов власти. Распространена в таких государствах, как Великобритания, США, Дания, Португалия, Индия, Австралия, Нидерланды, Швейцария, Норвегия.

2. Континентальная (французская, романская, европейская) модель. При такой модели государство осуществляет сильный административный контроль над всеми действиями на уровне местного самоуправления. Закреплена во Франции, Гвинее, Испании, Италии, Китае и Бельгии.

3. Коммунальная (германская) модель. Также называется смешанной. С одной стороны, для местного самоуправления предусмотрена некоторая самостоятельность в решении местных вопросов, а с другой – ощущается жесткий контроль со стороны государственных органов. Характерна для Германии, Австрии, Японии.

4. Административная модель. В ее основе лежит принцип прямого подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти. Пример – «советская система» местного управления, действующая в КНР, КНДР, на Кубе.

Есть еще две модели, которые хотя и выделяются в правовой литературе, но в «чистом виде» не имеют полного проявления ни в одном государстве. Первая – децентрализованная модель, или «модель партнерства»: отношения между органами государственной и муниципальной власти рассматриваются как отношения между равноправными «субъектами», имеющими общие цели и задачи. Вторая – вообще из разряда «экзотики» – дуалистическая модель, когда местное самоуправление контролируется государством в той степени, в какой местная власть участвует в решении государственных задач.

Обращаясь к российскому опыту построения взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, можно увидеть наличие признаков всех вышеперечисленных моделей на разных этапах исторического развития законодательства о местном самоуправлении в России.

Так, с момента принятия в 1991 г. Закона РФ № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» правовое регулирование механизма взаимодействия между государственной властью и органами местного самоуправления чрезвычайно близко воспроизводило англосаксонскую модель. Недаром в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П², которое в научных кругах именуется «Курским делом», отмечено, что исходя из прямого предписания ч. 1 ст. 130 Конституции РФ, устанавливающей, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, следует, что вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти. Такая же правовая

¹ Коваленко К. И. Основные модели, принципы и формы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1; Чихладзе Л. Т. Модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления (муниципальной власти) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2012. № 3; Остапец О. Г. Специфика правовой регламентации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в современной России // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 1.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года „О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области“».

позиция выражена Конституционным Судом РФ в постановлениях от 24 января 1997 г. по так называемому Удмуртскому делу¹ и от 15 января 1998 г. № 3-П². Во всех этих решениях федеральный орган конституционного контроля указал, что на органы государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления, оказывать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление. При этом не исключается взаимодействие, в том числе на договорной основе, органов местного самоуправления и органов государственной власти для решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципального образования. Такой подход впоследствии был воспринят в 2020 г., когда в текст Конституции РФ внесены изменения, касающиеся единой системы публичной власти, ее структуры и конституционного предназначения³.

Впоследствии, в начале 2000-х гг., произошло изменение подхода федерального центра к построению модели взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления. Появились очевидные черты коммунальной (германской) модели взаимодействия. Конституционно-правовое подтверждение наличия названной модели в законодательной и правоприменительной практике можно найти в мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П по так называемому в юридических кругах Иркутскому делу⁴. В данном решении Конституционный Суд РФ резко изменил свои ранее изложенные позиции и четко отметил, что, закрепляя самостоятельность местного самоуправления в качестве основного принципа его взаимоотношений с органами государственной власти, Конституция РФ исходит из того, что эта самостоятельность не является абсолютной, она не предполагает отрицания организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти, но исключает решающее участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, равно как и подмену органов местного самоуправления органами государственной власти при решении вопросов местного значения. Данная позиция, но в более «мягкой» форме была выражена до вышеупомянутого решения в постановлениях Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П⁵ и от 24 декабря 2012 г. № 32-П⁶. С этого периода происходит резкое усиление роли и веса органов государственной власти субъектов РФ в механизме их взаимодействия с органами местного самоуправления, при этом режимы взаимодействия все еще определялись необходимостью согласованной деятельности между уровнями власти на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов, гарантирующих стабильное и эффективное осуществление полномочий каждого уровня публичной власти по

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике“».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года „Об органах исполнительной власти в Республике Коми“».

³ См.: *Лазарев В.* Оценивать рационально и конкретно-исторически. Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ // Адвокатская газета. 2020. 17 марта. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivatsionalno-i-konkretno-istoricheski/?ysclid=md2pfc1lxo118061242> (дата обращения: 14.07.2025).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

созданию на соответствующей территории достойных условий жизни и свободного развития человека.

В самом начале 2020 г., а именно 15 января, глава государства в Послании Федеральному Собранию РФ предложил «закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – должны быть расширены и укреплены». Налицо попытка Президента РФ вернуться к вопросу «баланса» во взаимодействии между органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе путем восстановления реальных возможностей органов местного самоуправления реализовывать свои полномочия. Увы, Президента РФ либо не услышали, либо, что более вероятно, проигнорировали и спустя чуть более пяти лет российская правовая система пополнилась Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ).

Несмотря на закрепление множества декларативных принципов правового регулирования местного самоуправления (самостоятельность в пределах собственных полномочий, определение юридической иерархии системы законодательства о местном самоуправлении, необходимость при организации местного самоуправления учитывать социально-экономические, природно-климатические, территориальные и иные особенности местности, а также исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и т. д.), в действительности мы видим наступление новой эры правового регулирования взаимодействия между уровнями публичной власти, представляющего собой яркое проявление континентальной или так называемой европейской модели взаимодействия. За примерами далеко ходить не надо. При отсутствии какого-либо перечня вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) согласно ст. 32 Закона № 33-ФЗ из трех групп полномочий, которые потенциально могут быть предметом реализации местного самоуправления, две группы полномочий находятся в абсолютном ведении региональных властей. Значит, именно региональные, а не муниципальные власти призваны теперь определять, в каком объеме будет реализовано местное самоуправление на территориях того или иного субъекта.

В пользу такого вывода говорят и положения Закона № 33-ФЗ, в которых определено, что в целях обеспечения исполнения органами государственной власти субъекта Российской Федерации полномочий на решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, перераспределенных в пользу субъекта РФ, муниципальное имущество на основании соглашения, заключаемого между органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, поступает в безвозмездное пользование органов государственной власти субъекта РФ. То есть если ранее не было финансовых и людских ресурсов для осуществления в полном объеме вопросов местного значения, теперь еще и не будет во владении муниципалитетов объектов собственности, которые предназначены для решения установленных законом вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (ст. 63 Закона № 33-ФЗ).

Такой явный «перекос» в правовом регулировании механизмов взаимодействия между властями уже привел к ожидаемым конфликтам. Так, глава Республики Хакасия Валентин Коновалов воспользовался правом вето и отклонил республиканский закон о реформе местного самоуправления, принятый Верховным советом Республики. В качестве аргументов такого шага были названы, в частности, несоблюдение установленного порядка согласования законопроекта с органами местного самоуправления, отсутствие проведения публичных слушаний, отсутствие финансово-экономического обоснования предполагаемых расходов, игнорирование анализа бюджетных, хозяйственно-управленческих, социальных последствий принятого законопроекта¹.

21 июня 2025 г. жители Горно-Алтайска (Республика Алтай) провели согласованную акцию протеста против реформы местного самоуправления в Республике Алтай, предполагающей упразднение сельских поселений и их администраций и переход

¹ Глава Хакасии наложил вето на закон о переходе на одноуровневую модель местного самоуправления. URL: <https://r-19.ru/news/education/181107/?ysclid=md2qya3brl273936861> (дата обращения: 14.07.2025).

к централизованной системе управления. По разным оценкам, в акции протеста приняли участие от нескольких сотен до четырех тысяч человек¹.

Таким образом, с июня 2025 г. начался этап реализации фактически административной модели организации взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, характеризующийся резким усилением государственной власти, почти полным контролем за местным самоуправлением, но пока еще не закрепляющий в полном объеме принцип прямого подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти.

Подводя итоги настоящего исследования, следует признать отсутствие в РФ долговременной, научно обоснованной и эффективной модели содержательного построения и правового регулирования механизмов взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления. Это, несомненно, приводит к снижению эффективности выстраиваемой единой системы публичной власти, росту «протестного настроения» у населения и недоверия принимаемым на уровне государства и его территорий решениям, не говоря уже о том, что кардинально меняется «муниципально-правовая доктрина» и отношение к ее достижениям². При этом все дальше отходит в историю общеизвестный тезис о том, что фундаментальной основой успешности всего механизма управления делами в государстве является наличие слаженного взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления, построенного на началах сбалансированного организационного и финансового участия в реализации полномочий власти, с одновременным ясным, четким и непротиворечивым определением компетенции органов всех уровней публичной власти.

Список литературы

Березин А. А. Место органов местного самоуправления в единой системе публичной власти России // Конституционализм и государствоведение. 2023. № 4. С. 131–136.

Бочаров Н. А. Взаимодействие как новая управленческая категория // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 13. С. 44–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-kak-novaya-upravlencheskaya-kategoriya> (дата обращения: 13.07.2025).

Гошуляк В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12.

Зоз В. А., Лагуточкина А. С. О правовых предпосылках понятия «взаимодействия» в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1. С. 156–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovyh-predposylkah-ponyatiya-vzaimodeystviya-v-deyatelnosti-operativnyh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 13.07.2025).

Коваленко К. И. Основные модели, принципы и формы взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 51–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-modeli-printsipy-i-formy-vzaimodeystviya-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.07.2025).

Кожевников О. А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 3. С. 4–9.

Кожевников О. А. Прямая выборность, компетенция и ответственность как основы перспективного развития местного самоуправления в России // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 285–296. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-285-296.

¹ Жители Горно-Алтайска протестуют против реформы местного самоуправления и оккупации алтайских земель олигархами. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/zhiteli-gorno-altayska-protestuyut-protiv-reformy-mestnogo-samoupravleniya-i-okkupatsii-altayskikh-z/> (дата обращения: 14.07.2025).

² Кожевников О. А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 3. С. 4–9; Его же. Прямая выборность, компетенция и ответственность как основы перспективного развития местного самоуправления в России // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 3. С. 285–296. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-285-296; Гошуляк В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12; Березин А. А. Место органов местного самоуправления в единой системе публичной власти России // Конституционализм и государствоведение. 2023. № 4. С. 131–136.

Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 88–97. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97.

Лазарев В. Оценивать рационально и конкретно-исторически. Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ // Адвокатская газета. 2020. 17 марта. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheskii/?ysclid=md2pfc1lxo118061242> (дата обращения: 14.07.2025).

Остапец О. Г. Специфика правовой регламентации взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в современной России // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2019. № 1. С. 30–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovoy-reglamentatsii-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 13.07.2025).

Ромашов Р. А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 25–32.

Чихладзе Л. Т. Модели взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления (муниципальной власти) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2012. № 3. С. 65–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimootnosheniy-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-munitsipalnoy-vlasti> (дата обращения: 13.07.2025).

References

Berezin A. N. (2023) Mesto organov mestnogo samoupravleniya v edinoi sisteme publichnoi vlasti Rossii [The place of local self-government bodies in the unified system of public power in Russia]. In *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie*, no. 4, pp. 131–136.

Bocharov N. A. (2014) Vzaimodeistvie kak novaya upravlencheskaya kategoriya [Interaction as a new management category]. In *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*, no. 13, pp. 44–49, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-kak-novaya-upravlencheskaya-kategoriya> (accessed: 13.07.2025).

Chikhladze L. T. (2012) Modeli vzaimootnosheniy gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya (munitsipal'noi vlasti) [Models of the relationship between state power and local self-government (municipal government)]. In *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 65–74, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-vzaimootnosheniy-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-munitsipalnoy-vlasti> (accessed: 13.07.2025).

Goshulyak V. V. (2024) Edinaya sistema publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii [The unified system of public power in the Russian Federation]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 4, pp. 7–12, DOI: 10.18572/1813-1247-2024-4-7-12.

Konovalechikov Ya. A. (2020) Ponyatie pravovogo vzaimodeystviya i ego osobennosti v konstitutsionnom prave [The concept of legal interaction and its features in constitutional law]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Ser.: Yurisprudentsiya*, no. 1, pp. 88–97, DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-88-97.

Kovalenko K. I. (2020) Osnovnye modeli, printsipy i formy vzaimodeystviya gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii [Basic models, principles and forms of interaction between state power and local self-government in the Russian Federation]. In *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-modeli-printsipy-i-formy-vzaimodeystviya-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 13.07.2025).

Kozhevnikov O. A. (2023) Pryamaya vybornost', kompetentsiya i otvetstvennost' kak osnovy perspektivnogo razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossii [Direct election, competence and responsibility as the basis for the long-term development of local self-government in Russia]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 20, no. 3, pp. 285–296, DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-3-285-296.

Kozhevnikov O. A. (2024) Mestnoe samoupravlenie i edinaya sistema publichnoi vlasti: priglasenie k diskussii [Local self-government and the unified system of public authority: an invitation to discussion]. In *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*, no. 3, pp. 4–9.

Lazarev V. (2020) Otsenivat' ratsional'no i konkretno-istoricheskii. Kommentarii k Zakonu o popravkakh v Konstitutsiyu RF [Evaluate rationally and concretely historically. Commentary to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. In *Advokatskaya gazeta*, 17 March, available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheskii/?ysclid=md2pfc1lxo118061242> (accessed: 14.07.2025).

Ostapets O. G. (2019) Spetsifika pravovoi reglamentatsii vzaimodeystviya organov gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya v sovremennoi Rossii [The specifics of the legal regulation of the interaction of state authorities and local self-government in modern Russia]. In *Vestnik VGU. Ser.: Pravo*, no. 1, pp. 30–38, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovoy-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoi-rossii>

reglamentatsii-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoy-rossii (accessed: 13.07.2025).

Romashov R. A. (2016) Teoriya konstitutsionno-pravovogo otnosheniya [Theory of constitutional and legal relations]. In *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, no. 9, pp. 25–32.

Zoz V. A., Lagutochkina A. S. (2022) O pravovykh predposylkakh ponyatiya «vzaimodeystviya» v deyatel'nosti operativnykh podrazdelenii organov vnutrennikh del [On the legal prerequisites of the concept of «interaction» in the activities of operational units of internal affairs bodies]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 156–162, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovykh-predposylkah-ponyatiya-vzaimodeystviya-v-deyatelnosti-operativnykh-podrazdeleniy-organov-vnutrennih-del> (accessed: 13.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.11.2025